

17 АПР 1965

Личность актрисы

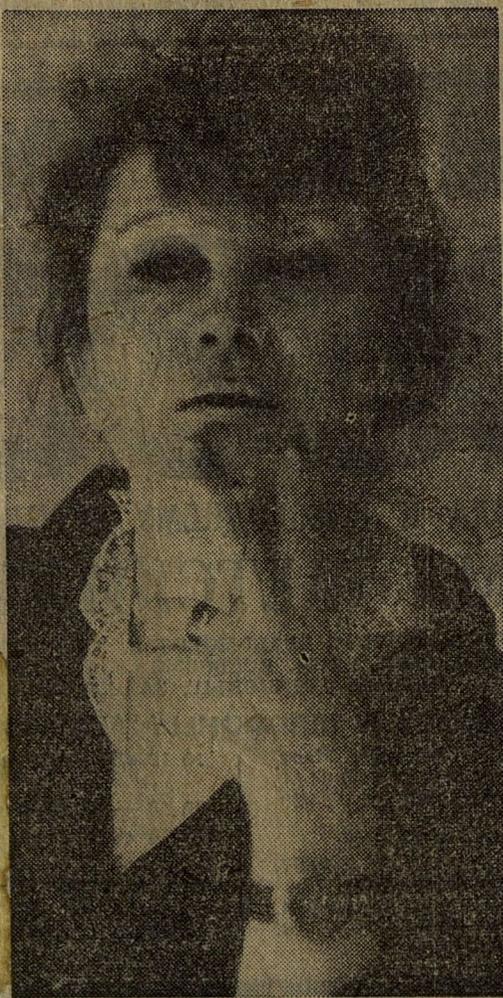

Фото М. ОКУШКО.

БЕСЕДОВАТЬ с ней и трудно, и необыкновенно интересно. Поначалу кажется, что разговор просто невозможно направить по определенному руслу. Ощущение такое: ты не идешь по берегу неторопливо текущей реки, когда перед тобой постепенно раскрывается ландшафт, а следуешь за прихотливыми изгибами стремительной горной речки, и на каждом шагу тебя ждет новое, неожиданное.

Но эта «разбросанность» — кажущаяся. Понемногу начинаешь ощущать глубинную связь внешне, казалось бы, далеких ассоциаций, понимать, что ее мысль всегда ищет образного, острого, часто неожиданно выражения.

Такова Лидия Павловна Сухаревская и в искусстве, на сцене: острохарактерная актриса, тяготеющая к гротеску, даже эксцентрики, всегда разная. Вместе с тем образы, созданные ею, поражают удивительной подлинностью, психологической достоверностью.

Она действительно всегда «другая», потому что роли, сыгранные ею, резко различны, и их невозможно заключить в один круг под каким-либо общим понятием. Софья Ковалевская и Бетти из «Опасного поворота», Хизиона («Дом, где разбиваются сердца») и Антонина Тимофеева из пьесы самой Сухаревской «Несущий в себе», Мальцева («Директор» С. Алешина), чапековская Мать, Сима из «Жив человек» В. Максимова... И это лишь небольшая часть сделанного. Но и остальное столь же разнохарактерно, столь же разнопланово. И все-таки всегда, во всем, в каждой, пусть даже эпизодической роли мы сразу узнаем Сухаревскую.

Что же, она всегда одинакова, повторяется? Да простится этот риторический вопрос. Тот, кто хотя бы дважды видел Сухаревскую на сцене или на экране, знает, каким совершенным даром перевоплощения владеет она, как разнообразна и богата ее актерская техника, какой «непохожей» она бывает в каждой новой роли.

Сухаревскую мы безошибочно узнаем в другом — в том, что, беря ее же выражение, «она несет в себе» и отдает зрителю, в том, что она исповедует со сцены. Разные характеры, разный жизненный опыт, психология, темперамент у ее героинь, и актриса всегда стремится прежде всего создать живого человека с его неповторимой индивидуальностью.

Но в каждой роли, сыгранной Сухаревской, есть как бы «второй план». Это — она сама, ее личность. Это — идеи, которые она исповедует, защищает, утверждает. Она может спорить со своей героиней, восхищаться ею, презирать, любить или ненавидеть, и мы всегда ощущаем позицию актрисы, всегда знаем, что же она любит, что ненавидит, ради чего играет именно эту роль.

БЕСКОНЕЧНО трудно проникнуть в творческую лабораторию художника, чтобы ответить на вопрос, как же это происходит, как «это делается». Здесь масса неувольного, великое множество слагаемых, из которых рождается «равноденствующая» — четко очерченный характер, живой,

пульсирующий, неповторимый. Да и к тому же творческий процесс непрерывен — он продолжается и на сцене, когда роль уже «сделана». А у Сухаревской вообще не бывает «стереотипа» — образа, раз навсегда отлитого в определенную форму. Каждая встреча со зрителем — что-то новое, поиск, находка....

И все же нельзя не заметить — в характерах, созданных актрисой, одна черта, одна грань всегда доминирует; все остальное дополняет, обогащает. Готовясь к роли, размышляя над ней, Сухаревская стремится найти этот «центр», зерно будущего образа, черту, необходимую ей, чтобы выразить свою мысль, свою идею. Отсюда заостренные, резкость контура, порой гротеск. А в других случаях совсем иное — намеренная сдержанность, характерность, нигде не переходящая границу бытовой достоверности.

Такой мы видим, например, медсестру Серафиму — сдержанную, внешне обычную, даже как будто неприметную. Но какой заряд внутренней силы несет она, какое чудо происходит на наших глазах, когда ее мужественная доброта побеждает ожесточенное отчаяние Царева, вора и уголовника, его ненависть к людям!

Что здесь главное для Сухаревской? Долг человека перед людьми, долг в высоком значении этого слова, ставший внутренней потребностью, смыслом жизни? Да, конечно. Но жизнь сложна, и людям редко приходится шагать по накатанным голубым дорожкам. Для Сухаревской этот образ интересен и другим: утверждением своих нравственных идей в борьбе. Долг — через преодоление. Серафима любит доктора Ивана Антоновича, а у него дети, жена. И не видеть Серафиме личного счастья, не для нее оно. Не опустить руни, не стать равнодушной, преодолеть одиночество женщины и идти навстречу людям с сердцем, открытым добру, активной, целеустремленной жизни, — вот чего хочет Серафима Сухаревской, что исповедует сама актриса.

— На сцене, как в жизни, — утверждает она, — нужно страстно защищать то, что считаешь нужным и важным, воевать с тем, что отвергаешь. Потому что искусство — это жизнь, это общение с людьми, это радость сотворчества...

В ПОЛУОСВЕЩЕННОМ фойе театра, где мы беседуем с Сухаревской, тихо, пустынно, но Лидия Павловна, еще «не остывшая» после репетиции, говорит так, будто

продолжает только что прерванный спор, словно перед ней аудитория, которую нужно убедить в истинности своей позиции:

— Меня всегда поймут, если я сумею обнажить «человеческое», но для этого надо знать, чего ты хочешь от людей, что можешь и должен им дать. Это самое главное. Актёр, художник отличается от любого другого человека тем, что он умеет воспроизвести жизнь, выразить то, что «несет в себе»...

Воспроизведение — вот черта, за которой начинается искусство. Но способность выражать, воспроизводить — лишь одна грань личности. Художник должен воспитать в себе человека. С этого должно начаться и воспитание актера. Тогда у него появятся свои темы, морально-этическая позиция.

Мои темы в искусстве? Трудно ответить так сразу. Если говорить очень общо — человек и общество (здесь, конечно, множество аспектов — и социальных и психологических), личность и коллектив. В сфере нашей жизни в идеале мне видится красота проявления индивидуальности в коллективе. Конечно, это должен быть не «голубой характер». Через преодоление к людям. Становление. Обогащение личности. И только правда.

Да, правда! Свою героиню нужно понять. Не пытаться ее приукрасить, даже если она не нравится. Понять и воспроизвести такой, какая она есть в самом главном. А потом уже спорить с ней, если нужно, или восхищаться.

Она говорит убежденно, темпераментно, резковато. И я подумал: вот уж для кого не существует проблемы «актер — режиссер», как о ней часто говорят режиссеры — «диктатор», подавляющий творческую индивидуальность. Да Сухаревская просто откажется от роли, если не совпадут точки зрения, если режиссерское «прочтение» окажется иным! А ведь именно так не раз бывало в ее творческой биографии, бывало, что она годами не появлялась на сцене, ибо не находила того, что созвучно ей, того, что дало бы ей возможность высказаться.

Но даже и в эти периоды ни на минуту не прекращалась ее активная жизнь — встречи с людьми, размышления, поездки, чтение.

Ее искусство гражданственно, страстно, бескомпромиссно. Оно никогда не оставляет равнодушным, потому что заряжено большими мыслями и большим чувством.

С. СМОЛЯНИЦКИЙ.